

ИНТЕРВЬЮ

Десять вопросов об экономической социологии ВИВИАНЕ ЗЕЛИЗЕР

Вивиана ЗЕЛИЗЕР – профессор социологии Принстонского университета. Возглавляла факультет социологии в Принстоне и секцию экономической социологии Американской социологической ассоциации. Член Академического совета Парижской школы экономики, Американской академии искусств и наук, Американского философского общества.

Email: vzelizer@princeton.edu

Источник: Viviana Zelizer answers ten questions about economic sociology // Economic Sociology. European Electronic Newsletter. 2007. Vol. 8. No. 3. P. 41–45.
<http://econsoc.mpifg.de>

Перевод М.С. Добряковой.

1. Как случилось, что вы занялись экономической социологией?

В определенном смысле я, скорее, возвратилась в эту область. Долгое время я изучала изменения в американской социальной жизни и прежде всего то, как повлияли на нее хозяйственные процессы. Три моих первых книги были посвящены развитию страхования жизни, попыткам оценивать «стоимость» детей и тому, как люди используют деньги¹. Я считала, что занимаюсь исторической социологией – правда, в ином ракурсе, нежели масштабные сопоставления целых империй, хозяйственных систем и промышленных революций. А затем некоторые авторы из числа тех, кто бесспорно принадлежал к лагерю экономсоциологов – Пьер Бурдьё, Хэrrисон Уайт и Ричард Сведберг, – начали ссылаться на мои работы, представляя их как вызов конвенциональной экономической традиции. Несколько удивленная, но несомненно польщенная, я с удовольствием вступила в их дискуссию о сути хозяйственных процессов. Позднее я опубликовала монографию «Покупка близости» (2005)², начала читать курс, в котором предлагала свою трактовку экономической социологии, и регулярно участвовать в конференциях по этой тематике – особенно охотно, когда организаторы приглашали меня, чтобы продемонстрировать, что экономист способен эффективно анализировать культуру и межличностные отношения на микроуровне. Так я оказалась в эпицентре дебатов о том, что же должна делать экономическая социология.

2. А есть ли какие-то книги или статьи, существенно повлиявшие на ваши представления об экономической социологии?

Честно сказать, я работаю не совсем так. Мой подход обычно заключается в том, чтобы выделить некоторую дескриптивную и объясняющую проблему, после чего я осматриваюсь в

¹ Zelizer V. *Morals and Markets: The Development of Life Insurance in the United States*. N.Y.: Columbia University Press, 1979; Zelizer V. *Pricing the Priceless Child: The Changing Social Value of Children*. N.Y.: Basic Books, 1985; Zelizer V. *The Social Meaning of Money*. N.Y.: Basic Books, 1994 (см. также перевод: Зелизер В. Социальное значение денег / Пер. А.В. Смирнова, М.С. Добряковой под науч. ред. В.В. Радаева. М.: Изд. дом ГУ–ВШЭ, 2004). *Здесь и далее примечания переводчика.*

² Zelizer V. *The Purchase of Intimacy*. Princeton: Princeton University Press, 2005.

поисках других авторов, уже обращавшихся к ней ранее. Например, я часто перечитываю работы Георга Зиммеля, посвященные деньгам. Впрочем, как правило, для меня важны именно стили мышления, а не конкретные теоретики.

3. В чем, на ваш взгляд, заключаются основные различия между экономической социологией в США и Европе?

Я вижу два основных различия: во-первых, экономическая теория, к которой апеллируют европейцы, имеет совершенно иные акценты, уделяя больше внимания институциональным, историческим, компаративным аспектам, нежели американская; во-вторых, в Европе, по сравнению с США, экономическая социология более тесно связана с проведением реформ, реализацией прикладных программ. Мой опыт работы в составе секции экономической социологии Американской социологической ассоциации показал мне, что подобный диалог – непростой, но в перспективе весьма продуктивный – ведут и американцы. Поэтому хотя я начинала как специалист по американской экономике, в этой секции я прилагаю все больше усилий, чтобы соединить усилия европейцев и американцев на этом поприще (очень пригодилось то, что я с детства говорю по-испански и по-французски).

Недавно я начала помогать французским социологам в организации Парижской школы экономики. Это начинание и мои обширные контакты с другими экономистами в парижском регионе вскрыли целое исследовательское поле, которое объединяет авторов, пытающихся выстроить связи между моральной экономикой, теориями социальных изменений и государственной политикой. Французские экономисты и социологи разрабатывают действительно альтернативные объяснения хозяйственной деятельности – основанные на социальных факторах. Например, экономист Андрэ Орлеан [André Orléan], отказавшись признавать базовый водораздел между социологией и экономической теорией, недавно предложил альтернативное объяснение хозяйственной деятельности в целом³.

4. Какие ключевые темы сейчас обсуждают экономсоциологи? Какие исследовательские проблемы, по вашему мнению, выпали из орбиты или изучены недостаточно?

О, это чрезвычайно интересный вопрос, но ответить на него в двух словах не получится. Я уже высказывалась на эту тему в эссе «Прошлое и перспективы экономической социологии», которое только что вышло в журнале «American Behavioral Scientist»⁴. В нем говорится о том, что в последние годы границы поля существенно расширились. За примерами далеко ходить не надо – взять хотя бы оглавление второго издания «Хрестоматии по экономической социологии» под редакцией Н. Смелсера и Р. Сведберга (2005)⁵. В нем совершенно явно обозначены новый институционализм, изучение эмоций, поведенческая экономика, право – ничего этого не было в первом издании, вышедшем одиннадцатью годами ранее. Я бы также назвала еще четыре новые темы.

(1) Множественные рынки: от прежней узкой фокусировки, практически не выходящей за рамки производства, экономсоциологи в своих исследованиях обращаются и к другим рынкам, особенно – финансовым, потребительским, рынкам персональных услуг, а также к тому, что обозначают общим термином «неформальная экономика».

³ Вероятно, имеется в виду статья: *Orléan A. Les ambiguïtés de la sociologie économique // L'Economie Politique. 2007. No. 35. P. 66–77.*

⁴ *Zelizer V. Past and Futures of Economic Sociology // American Behavioral Scientist. 2007. Vol. 50. No. 8. P. 1056–1069.*

⁵ *Handbook of Economic Sociology / Ed. by N. Smelser, R. Swedberg. 2nd ed. Princeton: Princeton University Press, 2005.*

(2) Внутрифирменная культура: экономсоциологи наконец-то сбрасывают свои структурные доспехи и начинают изучать то, как смысловое содержание социальных связей влияет на трансакции и альянсы внутри фирм.

(3) Производство и воспроизводство неравенства, особенно гендерного: экономсоциологи все чаще ставят под сомнение модель достижения статуса, объясняющую неравенство как результат взаимодействия между смещенным рыночным отбором и качествами индивида.

(4) Домохозяйства как место осуществления интенсивной хозяйственной деятельности. Применительно к ним экономсоциологи, вместе со своими коллегами экономистами и антропологами, говорят не только о широких и сменяющих друг друга областях производства, потребления, распределения и трансферта активов, но и о моделях взаимодействия, напоминающих рынки наличных товаров.

В своих последних работах я так или иначе опиралась на все эти новые тенденции, особенно в отношении множественных рынков и домохозяйств. Например, в книге «Покупка близости» затрагиваются все перечисленные темы: в ней рассматривается то, как люди соотносят близкие отношения во всем их множестве и разнообразии с экономическими трансакциями. Вступая в мир хозяйства, люди вовсе не подчиняют себя универсальной цели максимизации полезности, – напротив, они весьма изобретательно разграничивают между собой разные типы близких отношений и систематически поддерживают эти различия через соответствующие экономические трансакции. Заметим также, что сходное, хотя и несколько иное по характеру, соотношение близких отношений с экономическими трансакциями наблюдается и в сфере права. Все проанализированные мною примеры как в повседневной жизни, так и в юридической практике опровергают распространенную идею о том, что при соприкосновении экономические и близкие отношения только лишь разрушают друг друга.

5. В книге «Покупка близости» вы приводите много примеров из американской судебной практики. Какое место вы отводите праву в вашей интерпретации экономической социологии?

Близкие отношения становятся объектом судебных разбирательств лишь в редких случаях; чаще всего близкие люди разрешают свои противоречия, не обращаясь в суд. Однако, анализируя эти случаи, когда разногласия переходят в судебное разбирательство, мы видим, как правовые системы конструируют собственные представления о возможности или невозможности смещения близких и экономических отношений. Эти правовые доктрины часто (хотя и не всегда) совпадают со взглядами обычных людей на такие вопросы. Когда люди обращаются в суд, их представления о том, что именно пошло не так, кто в этом виноват и какого наказания заслуживает виновный, должны подчиняться применяемым правовым критериям. Сиделка, которая ухаживает за пожилым пациентом, пообещавшим включить ее в завещание, может внушить себе, будто она заняла место ребенка этого пациента и, следовательно, имеет право на наследство. Закон же в большинстве случаев квалифицирует ее как постороннего человека, и запрос не будет удовлетворен.

В целом, судебные разбирательства гораздо в более явной степени высвечивают противоречия в используемых принципах и аргументации, нежели аналогичные разбирательства внутри фирм или домохозяйств. Суд, помимо прочего, представляет своеобразный театр теней, проецируя конфликты из реальной жизни на букву закона и уже имеющиеся прецеденты. Наконец, судебные решения оказывают мощное и непосредственное воздействие на связь между близкими отношениями и хозяйственной жизнью, особенно когда речь заходит о таких вопросах как права однополых супругов, правовые притязания неработающих домохозяек при разводе, организация процедур усыновления детей, права детей на наследство.

В последние несколько лет у меня было несколько интересных обсуждений с исследователями-юристами, критически подходившими как к праву, так и к экономической

теории и потому страстно желавшими найти новые объяснения принципам хозяйственной деятельности, особенно в той сфере, что оказывается на пересечении экономических действий и близких отношений.

6. В своих работах вы говорите о том, что экономсоциологи предлагают иное объяснение хозяйственной жизни, альтернативное тому, что можно услышать от экономистов. Можете рассказать об этом поподробнее?

Я никогда не была сильна в построении системных теорий. Мне больше нравится находить убедительные данные, позволяющие ответить на конкретные вопросы. Тем не менее такая линия рассуждений подводит меня к мысли, что экономсоциологам стоит предпринять три важных шага, которые несколько изменят их траекторию. Во-первых, им следует отказаться от всех черно-белых дихотомий, противопоставляющих личные связи хозяйственным связям. Вместо этого надо исследовать вариации и взаимозависимости между множеством наполненных разным смыслом социальных связей, системами денежного учета, средствами массовой информации, экономическими транзакциями и их границами. Во-вторых, им следует отказаться и от распространенной идеи о некоем континууме, на одном конце которого размещается подлинный рынок случайных связей (предполагающий, что соображения личного характера здесь полностью исключены), а на другом – сугубо неэкономические транзакции. В-третьих – и это, бесспорно, самое неожиданное, – им следует всерьез воспринять идею перформативности [performativity]⁶. Исследователи перформативности находятся лишь в начале своего пути, стремясь показать, каким именно образом экономическая теория как научная дисциплина повлияла на формирование мира корпоративного капитализма. А вот в рамках подхода к хозяйственной жизни с позиций культуры вполне правомерно предположение о том, что существующие культурные схемы, включая научные дисциплины, формируют способы выполнения людьми своих хозяйственных действий. Если это так, то и эффективные схемы, предложенные экономической социологией, имеют шанс повлиять на формирование русла хозяйственной жизни людей.

В целом, мои построения опираются на два компонента: (1) включение основанных на согласованиях межличностных отношений непосредственно в экономический анализ и (2) признание влияния культурных различий на протекание сходных хозяйственных процессов.

7. Вы придаете большое значение установлению диалога с экономистами. А какие стратегии для его осуществления кажутся вам наиболее вероятными?

Так складывается, что последние достижения поведенческой экономики, теории игр, феминистской экономической теории, организационной экономики, институциональной экономики, теории динамики домохозяйств создают предпосылки для возникновения диалога между экономической теорией и социологией.

Некоторые экономисты начали всерьез приглядываться к проблематике культуры и социальных отношений. Возьмем два недавних примера. Первый пример – статья экономиста Роберта Гиббонса «Что такое экономическая социология и должна ли она волновать экономистов», вышедшая в 2005 г. в «Journal of Economic Perspectives»⁷. На свой риторический вопрос Гиббонс отвечает «да» и поясняет, в связи с чем у него возник этот

⁶ См. например: Callon M. Introduction: the Embeddedness of Economic Markets in Economics // The Laws of the Markets / Ed. by M. Callon. Oxford: Blackwell, 1998; MacKenzie D. An Engine, Not a Camera: How Financial Models Shape Markets. Cambridge: MIT Press, 2006.

⁷ Gibbons R. What is economic sociology and should any economists care // Journal of Economic Perspectives. 2005. Vol. 19. P. 3–7.

интерес: «я обнаружил, что некоторые социологи работают с зависимыми и независимыми переменными, которые лишь изредка упоминаются в экономической литературе, но кажутся вполне значимыми». Гиббонс призывает к «Парето-улучшающему диалогу на пограничной территории между экономической теорией и социологией».

Второй пример – статья Луиджи Гвизо, Паолы Сапиенца и Луиджи Дзингалеса, появившаяся весной 2006 г. в том же журнале и озаглавленная «Влияет ли культура на экономические результаты?»⁸. Авторы также отвечают утвердительно. И хотя они не цитируют экономсоциологов (за исключением совершенно справедливой похвалы в адрес работ Пола Димаджио), они считают культуру (под которой понимают коллективные верования, идентичности, предпочтения) значимой – не просто неким результатом, а независимым причинным фактором. Эти авторы заключают, что «импорт культурных элементов обогатит экономический дискурс, позволит ему тоньше улавливать нюансы реальной жизни и в конечном счете сделает его более полезным».

Тем не менее, если экономсоциологи хотят серьезно повлиять на экономическую теорию, они не должны просто сидеть и ждать, когда же наиболее зоркие экономисты наконец заметят их работу. Экономисты «клюют», если исследователями предлагаются четкие и обоснованные идеи по возможному пересмотру имеющихся экономических подходов. Обратите внимание на то, сколь разное по силе влияние оказывают три инновационных направления, появившиеся за последние 20 лет: теория игр, поведенческая экономика и собственно экономическая социология.

Теория игр в силу множества практических причин стала неотъемлемой частью экономической теории. Ее изучает каждый студент-экономист. Она сделала совершенно признанным моделирование ситуаций экономического выбора не как индивидуального когнитивного процесса принятия решений, а как формы социального взаимодействия. Это история успеха исследовательской программы, которая в какой-то момент своего развития воспринималась неоклассической экономической теорией как абсолютно чужеродная.

Поведенческая экономика, несмотря на свои заметные успехи, пока преодолела где-то половину пути. Она может повторить путь теории игр, еще не решен вопрос о том, окажет ли она фундаментальное воздействие на основное направление экономической теории или же останется критическим, «диссидентским» подходом. В рецензии на книгу «Достижения поведенческой экономики» Вольфганг Пезендорфер⁹ отмечает, что поведенческая экономика «остается дисциплиной, выстроенной на неудачах стандартной/традиционной экономической теории. ...Ее симбиотические взаимоотношения с последней эффективны до тех пор, пока базисные предпосылки стандартной теории меняются лишь в незначительной степени». И хотя экономисты Вернон Смит и Даниэл Канеман удостоены Нобелевской премии, мы еще увидим, как будут меняться микроуровневые базовые послышки стандартной экономической теории, когда поведенческие экономисты заявят о необходимости таких изменений.

Экономическая социология безусловно обладает как минимум частью такого потенциала теории игр или поведенческой экономики, но до сих пор она оставалась за рамками основных дискуссий. Пока что она привлекает только экономистов-«диссидентов». Она не входит в обязательные учебные программы студентов-экономистов. Экономсоциологи

⁸ Guiso L., Sapienza P., Zingales L. Does culture affect economic outcomes? // Journal of Economic Perspectives. 2006. Vol. 20. P. 23–48.

⁹ Pesendorfer W. Behavioral Economics Comes of Age: A Review Essay on *Advances in Behavioral Economics* // Journal of Economic Literature. 2006. Vol. 44. No. 3. P. 712–721. Рецензия на книгу: *Advances in Behavioral Economics* / Ed. by C.F. Camerer, G. Loewenstein, M. Rabin. Princeton: Princeton University Press, 2003.

оказываются перед интересным выбором: погрузиться в недра экономических моделей, следуя по пути, проложенному теорией игр и поведенческой экономикой, или же продолжать заниматься своими делами в надежде, что дружески расположенные экономисты сами прибегнут к импорту их идей.

Выбор первого варианта означает использование понятий, моделей, математики и эконометрики из стандартного арсенала экономистов. Как заметил экономист Дэн Сильверман [Dan Silverman], говоря о пока не полном успехе поведенческой экономики, такой путь означает выявление процессов, которые традиционные экономические модели квалифицируют как аномалии, пересмотр соответствующих моделей так, чтобы они могли объяснить эти аномалии и, наконец, обеспечение эмпирической валидности новых моделей. Этот вариант может привести к отрыву от остальных социологических направлений. Зато выбор второго варианта означает, что мы останемся в стороне от волнующих преобразований в современной экономической теории. С учетом того, что я не сильна в экономических методах и предпочитаю им непосредственное наблюдение за экономическими транзакциями, я надеюсь, что тот и другой вариант – интеграция экономической социологии в экономическую теорию или импорт социологического инструментария для анализа хозяйственных процессов – будет хотя бы отчасти реализован в обозримом будущем.

Это будет нелегко хотя бы потому, что типичные примеры из теории игр и поведенческой экономики предполагают лишь модификацию экономических моделей фундаментального индивидуализма, а не отказ от них. Потребуется поистине виртуозные теоретические, технические и даже риторические усилия, чтобы поместить межличностные процессы, в том числе культуру, в фокус экономического анализа. Смогут ли социологи перестроить экономические модели так, чтобы те инкорпорировали пропитанную культурой динамику организаций, домохозяйств, институтов и межличностных связей?

Впрочем, подтверждением тому, что в принципе это возможно, служит четвертое инновационное поле – институциональная экономика. Институциональные экономисты вроде Дагласа Норта не пошли по пути приверженцев теории игр и поведенческой экономики, они вовсе не трансформировали микроэкономику во что-то иное. Тем не менее они оказали огромное влияние на макроэкономику, особенно на теорию развития. У институциональных экономистов много общего с институциональными и экономическими социологами: понимание организационных процессов, интерес к исполнению контрактов, открытость к вопросам культуры и т.д. И хотя, как я надеюсь, мы можем продолжать диалог о хозяйственных процессах на микроуровне, у нас также есть возможность заключить инновационный альянс между экономической теорией и социологией в изучении макроэкономических явлений.

Например, прямо сейчас в Принстоне нынешний президент Американской экономической ассоциации Авинаш Диксит и я занимаемся организацией открытого диалога между этими двумя дисциплинами, и он неплохо складывается.

8. Если вы помните, вашей первой работой, опубликованной в Ньюслеттере летом 2000 г., было эссе о гендерном разделении труда в экономической социологии¹⁰. Изменился ли ваш подход сейчас, почти семь лет спустя?

Как и в 2000 г., у нас по-прежнему количественное превосходство мужчин. Однако во многом как результат все более активного участия в наших дискуссиях экономистов-феминистского направления и исследователей домохозяйств женщины и их заботы заняли

¹⁰ Zelizer V. A gendered division of labour // Economic Sociology. European Electronic Newsletter. 2000. Vol. 1. No. 3. P. 2–5.

более весомое место в проблематике экономической социологии. Например, все чаще говорится об экономической стоимости неоплачиваемого труда, как правило, выполняемого женщинами. В своих собственных исследованиях я в связи с этим обращалась к двум важным вопросам. Во-первых, при каких условиях услуги, организованные на рыночных началах, обеспечивают адекватную поддержку реципиентам услуг и тем, кто их оказывает? Во-вторых, насколько принципиально различается качество таких услуг, оказываемых посредством рыночных механизмов и не попадающих на рынок? Европейские исследователи (например, Флоранс Вебер [Florence Weber]) недавно тоже обращались к этим вопросам. Занимаются ими и некоторые американские социологи, экономисты и философы.

9. В ваших последних работах в экономическую социологию вводится новое понятие – «деловые контуры» [circuits of commerce]. Почему экономсоциологам следует обратить на них внимание?

Конечно, я могу ошибаться, но мне кажется, что исследователи таких хозяйственных явлений, как пособия мигрантам, локальные денежные единицы, общества взаимного кредитования [rotating credit associations], микрокредиты, персональные услуги, корпоративные коалиции и скрытая экономика, регулярно отмечают, что стандартные понятия иерархий, сетей и рынков не позволяют уловить организационную форму целого ряда очень важных хозяйственных связей. Мне представляется, что эти связи образуют контуры, в которых сочетаются экономические взаимодействия, системы бухгалтерского учета, границы и значимые взаимодействия между участниками, – получаются деловые контуры. Моя последняя работа в Ньюслеттере (ноябрь 2006) как раз посвящена программе исследования подобных контуров¹¹.

10. А что еще вы планируете исследовать в ближайшем будущем?

Как следует из моих ответов на предыдущие вопросы, в последнее время меня особенно интересуют две темы. Первая – то, как хозяйственные контуры изменяются и различаются между собой. Вторая – как различные формы близости взаимодействуют с хозяйственными процессами. В книге «Покупка близости» говорилось о взаимодействии близких отношений и экономических транзакций вне формальных хозяйственных организаций, но один из моих новых проектов посвящен как раз изучению взаимодействия близких отношений и организационной эффективности. В другом проекте я рассматриваю то, как работают системы кодов, управляющих нравственным поведением внутри организаций. И, как я уже говорила, я продолжаю изучать предоставление персональных услуг.

¹¹ Zelizer V. Circuits in economic life // Economic Sociology. European Electronic Newsletter. 2006. Vol. 8. No. 1. P. 30–35.